

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДИСКУРСА МЕМУАРОВ
Р. ФОН ВАЙЦЕККЕРА И Х. МОДРОВА КАК ИСТОЧНИКОВ
ПО ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ СССР И ФРГ 1985–1991 ГГ.**

А. В. Горобий

**COMPARATIVE DISCOURSE ANALYSIS OF THE MEMOIRS
OF R. VON WEIZSÄCKER AND H. MODROW
AS SOURCES ON THE HISTORY
OF THE SOVIET-WEST-GERMAN RELATIONS OF 1985–1991**

A. V. Gorobiy

Данная статья посвящена изучению воспоминаний президента ФРГ Р. фон Вайцеккера (1984–1994 гг.) и председателя совета министров ГДР Х. Модрова (1989–1990 гг.). Путем историко-лингвистического анализа дискурса мемуаров автор пытается понять особенности восприятия двумя политиками истории отношений СССР и ФРГ 1985–1991 гг., а также выявить социокультурные факторы, обусловившие их мировоззрение.

The present article is devoted to studying the memoirs of the West German President in 1984-1994 R. von Weizsäcker and the Chairman of the East German Council of Ministers H. Modrow. By means of the historical-linguistic discourse analysis the author tries to comprehend the peculiarities of the two politicians' view of the Soviet-West-German relations of 1985-1991 as well as to reveal the socio-cultural factors determined their thinking.

Ключевые слова:

источники, мемуары, дискурс, СССР, ФРГ.

Key words:

sources, memoirs, discourse, USSR, West Germany.

История внешней политики СССР периода перестройки (1985–1991 гг.) вызывает большой интерес среди российских и зарубежных исследователей, поскольку с ней связаны такие важнейшие события, как завершение холодной войны и объединение Германии. Источниковая база по данной теме уже в значительной степени введена в научный оборот и послужила основой для ряда работ [1].

Однако следует обратить внимание на то, что история второй половины XX в. является, прежде всего, историей становления информационного (постиндустриального) общества. В науке принято считать, что изменение объекта познания требует изменения источников и методов познания. Первостепенная роль информации в современном обществе является предпосылкой для рассмотрения всех социальных явлений и исторических событий с точки зрения дискурса.

Дискурс – это совокупность сознаний индивидов, принадлежащих к одной пространственно-временной общности. Формируемый под влиянием многих факторов (обстоятельства природного и материального бытия, языковые и культурные традиции, сознательная политика правящих слоев, разнообразные внешние влияния), дискурс, в свою очередь, обуславливает мировосприятие и поведение

индивидов. Все сферы общественной жизни служат составными частями одного дискурсивного поля [2].

Носителями дискурса являются любые письменные источники, в том числе мемуары. Они широко используются в исследованиях по истории отношений СССР и ФРГ 1985–1991 гг., однако историки в основном придерживаются традиционного подхода при их изучении [3]. Между тем именно в мемуарах дискурс выражен очень ярко в силу их видовых особенностей как исторических источников: субъективности, ретроспективности изложения с опорой на память [4].

Цель данной статьи – рассмотрение дискурса мемуаров Р. фон Вайцеккера и Х. Модрова. Выбор данных источников обусловлен тем, что эти германские мемуары, несущие информацию по истории отношений СССР и ФРГ 1985–1991 гг., менее известны в России, чем воспоминания отечественных деятелей. Кроме того, необходимо учитывать, что авторы двух указанных источников происходят из двух разных, хотя и очень близких государств. Рихард фон Вайцеккер (р. 1920) – западногерманский политик от партии Христианско-демократический союз (ХДС), с 1984 по 1994 гг. занимавший пост федерального президента Германии. Ханс Модров (р. 1928) – восточногерманский деятель, с ноября 1989 г. по март 1990 г. председатель Совета министров ГДР. Рассмотрение их мемуаров не только позволяет сравнить взгляды на советско-западногерманские отношения политиков ФРГ и ГДР, но является шагом к сопоставительному изучению сознания «двух германских наций», что представляет собой отдельную сложнейшую и интереснейшую тему.

Изучение данных мемуаров производится по методу историко-лингвистического анализа дискурса Дюссельдорфской лингвистической школы [5]. Она предполагает изучение текстов на двух уровнях:

- а) эксплицитном (с точки зрения лексики, метафор и способов аргументации);
- б) имплицитном, т. е. на уровне скрытых в языке семантических кодов и структур (в последнем случае правомерно говорить о неосознанных архетипах).

При анализе текстов необходимо различать релевантную и нерелевантную дискурсу лексику. По определению Карин Бёке, «слово может считаться релевантным, если оно как языковая единица удовлетворяет минимальным количественным и качественным требованиям, то есть является типичным во временном и предметном контексте и встречается часто» [6].

Сначала проанализируем **воспоминания Р. фон Вайцеккера** [7].

Лексика. В текстах Вайцеккера можно выявить 46 релевантных лексем: der Fall «падение», die Wende «поворот», der Kampf «борьба», die Freiheit «свобода», das Recht (die Rechtsstaatlichkeit) «право, правовое государство», die Verantwortung «ответственность», die Geschichte «история», die Gunst der Stunde «благоприятность момента», entscheiden «решать», lösen «развязывать, расторгать», das Wunder «чудо», kühn «отважный», menschlich – unmenschlich «человеческий – нечеловеческий», das Imperium «империя», gut – böse «добрый – злой», die Demokratie «демократия», der Boden «земля, почва», überwinden «преодолевать», der Beitrag «вклад», bewusst «(о)сознающий, сознательный», zusammen «вместе», die Mitwirkung «сотрудничество», gemein «общий», die Kraft «сила», der Gott «Бог», vereinen «объединять», der Frieden «мир (противоположность войне)», die Welt «мир (планета Земля)», dienen «служить», die Wahrheit «правда», die Versöhnung «примирение», die Unehre «бесчестье», stützen «поддерживать», die Gerechtigkeit «справедливость», die Verständigung

«взаимопонимание», die Aufgabe «задача», der Schutz «защита», die Ermutigung «ободрение», die Vertrauensverhältnisse «доверительные отношения», das Volk «народ», der Weg «путь», der Ablauf «ход, течение (событий)», die Last «груз», das Schicksal «судьба». Как видим, здесь есть несколько четких бинарных оппозиций: «человеческий – нечеловеческий» (то есть «естественный – искусственный»), «добро – зло», «земля – небеса».

Метафоры. Прежде всего, бросается в глаза метафоричность падения стены (der Fall der Mauer). Оно трактуется как «решающий, поворотный пункт к тому, чтобы преодолеть всевозможные стены и рвы» (entscheidende Wende, um Mauern und Gräben aller Art zu überwinden), как «позитивный сдвиг в борьбе за свободу и человеческие права» (positive Wende beim Kampf um Freiheit und Menschenrechte) и как «суть новой эпохи» (Schlüsselbegriff für ein neu beginnendes Zeitalter) [8]. Таким образом, падение стены – символ перехода не только от старого к новому, но и от плохого к хорошему, а это значит, что в тексте Вайцеккера дает о себе знать очень сильная древняя германская мифологема борьбы человека против зла [9]. Президент США Р. Рейган в 1982 г. облек ее в радикальную форму борьбы против империи зла; уравновешенный и далекий от популизма Вайцеккер этого, разумеется, не делает, но очевидно, что в его понимании немцы 40 лет жили среди «стен и рвов», в «неправильном состоянии», которое теперь преодолено [10].

Вайцеккер называет две причины объединения:

- 1) народное движение в ГДР (в меньшей степени в ФРГ);
- 2) благоприятная международная обстановка и согласие иностранных держав.

Иначе говоря, человеческие усилия и счастливое стечение обстоятельств (случай, «окно истории», о котором говорил Г. Коль) [11] привели к объединению. После крушения нацизма и создания двух республик немцы начали прилежно работать и строить благосостояние своей земли (Вайцеккер говорит: «Мы на Западе создали свое благосостояние сорока годами тяжелой работы») [12]. Он подчеркивает, что единство немцев исторически обосновано, что оно продиктовано справедливыми законами жизни и истории (die Geschichte und das Leben, die die Dinge entscheiden) [13].

В этом контексте объединение Германии предстает не только как восстановление исторической справедливости и вознаграждение, но и шире – как спасение (в христианском понимании). Об этом свидетельствует семантика употребляемых Вайцеккером слов: он трижды говорит о «распаде» СССР и социалистического лагеря (Auflösung), но это слово – однокоренное со словом «спасение» (Erlösung) [14]. Одинаковый корень приводит к неразрывности данных понятий в сознании немцев: «распад» (уз, пуг) как «спасение». В христианском дискурсе спасение всегда ассоциируется с чудом. У Вайцеккера действительно присутствует уподобление объединения чуду (das Wunder). Немцы же заслужили свое чудо не только 40 годами труда, о которых говорилось выше, но и «подвигами» в 1989–1990 гг.

Немецкие историки и политологи часто превозносят роль своего народа (жителей и ГДР, и ФРГ) в объединении Германии, что присуще и Вайцеккеру. Это объяснимо, если посмотреть, какая мифологическая подоплека есть у роли народа в немецкой культуре. Одним из ярчайших образов дохристианских германских (и в целом индоевропейских) мифов является «герой, борющийся со злом» – это человек, воин, которому боги придают особую силу и который побеждает, защищая свой род.

Именно таким героем предстает в 1989–1990 гг. германский народ, особенно народ ГДР. Как проснувшийся богатырь, народ внезапно выступает в 1989 г. на историческую сцену и сокрушает врага (авторитарный режим СЕПГ) и главного зримого врага – стену. Длинная толстая стена волей-неволей приобретает сходство с мифическим змеем, которого побеждает богатырь-народ. Обратимся к Вайцеккеру: он называет германский народ «отважным» (kühn), но именно это слово является неизменным эпитетом героя в мифах [15]. Далее Вайцеккер отзывается о стене как о «бесчеловечном сооружении» (unmenschliches Bauwerk): стена противопоставляется «человеческому», то есть германский народ-герой приобретает статус защитника не только своего единства, но и всего человечества. На протяжении всей холодной войны разделенная Германия воспринималась как эпицентр борьбы, как средоточие интересов держав, как центр мира (вспомним слова президента США Дж. Кеннеди «Ich bin ein Berliner!», что значит «Я – берлинец!»). Вайцеккер подчеркивает, что месяцы после падения стены стали в Германии «расцветом подлинной прямой демократии, какая едва ли была когда-нибудь раньше на германской земле» (echte direkte Demokratie, wie wir sie zuvor kaum je auf deutschem Boden erlebt hatten) [16]. Таким образом, при описании роли народа в объединении Германии в тексте Вайцеккера наблюдается переплетение языческих и христианских архетипов: с одной стороны, германский народ страдал, праведно трудился и получил спасение (пассивный компонент), с другой – он осознал свою силу, сокрушил врага и получил награду (активный компонент).

Кроме народа в тексте Вайцеккера присутствует еще один «богатырь» – М. С. Горбачев. Автор отзывается о нем как о «великом человеке» (der große Mann), начавшем «отважные реформы» (kühner Reformprozess). Он именуется Горбачева «дипломатическим партнером» (Verhandlungspartner), но следует обратить внимание на фразу: «Горбачев... больше, чем кто-либо, внес вклад... в преодоление раскола Европы» (Gorbatschow... mehr als jeder andere... zur Überwindung des Zaunes quer durch Europa beigetragen hatte). Очевидно, Вайцеккер воспринимает Горбачева как союзника немцев в борьбе со злом. Горбачев, согласно Вайцеккеру, мужественный и мудрый человек, который «стремился быть не властителем, а лишь внимательным и ответственным слугой истории» (nicht souveräner Herr, sondern aufmerksames und verantwortliches Werkzeug in der unaufhaltsamen Geschichte zu sein) [17].

Вайцеккер подробно останавливается на том, что дало объединение немцам, каковы его результаты и как дальше Германии следует развиваться. Он пять раз в своем тексте повторяет словосочетание Freiheit und Rechtsstaatlichkeit («свобода и правовое государство»). Ясно, что эти два понятия – альфа и омега западной цивилизации, но также ясно, что это именно тот приз, который немцы заработали за «сорок лет праведного труда». Однако вопрос в том, как они используют приобретенную свободу. В своей речи 3 октября 1990 г. Вайцеккер говорит: «Мы осознаем свою ответственность перед Богом и людьми» (Wir sind uns unserer Verantwortung vor Gott und den Menschen bewusst). Кроме того, он цитирует слова В. Гавела: «... падение стены – пламенный призыв со всей ответственностью использовать завоеванную свободу» (...um in der errungenen Freiheit nun auch wirklich mit aller Kraft verantwortlich zu bestehen) [18]. Слова «право» (Recht) и «ответственность» (Verantwortung) – ключевые для интерпретации употребляемого Вайцеккером сло-

ва «свобода». Немцы получили свободу, но теперь они должны использовать ее, чтобы совершенствовать мир.

В связи с обретением свободы в своем едином государстве становится понятно, зачем немцам, в сущности, нужно было единство. Автор часто повторяет, что объединение Германии – лишь этап на пути объединения Европы. Он цитирует, в частности, слова В. Брандта, федерального канцлера в 1969–1974 гг.: «Теперь становится единым то, что и должно быть вместе. Это касается всей Европы» (Jetzt wächst zusammen, was zusammengehört: Das gilt für Europa im Ganzen) [19].

Особое значение имеет для Вайцзеккера понятие социальной справедливости, которое он на эксплицитном уровне увязывает с христианским идеалом добра, заявляя: «Кто хочет объединяться, должен научиться делиться» (Wer sich vereinigen will, muß teilen lernen) [20]. Если объединение – это переход к новой жизни, то Вайцзеккер придает большое значение тому, чтобы немцы оказались морально достойны снизошедшей на них благодати.

Наконец, необходимо заметить, что Вайцзеккер, следуя традициям германской метафизики и идеализма, делает акцент в истории скорее на духовном, чем на материальном. Помимо христианских архетипов в его тексте присутствует и вполне осознанный религиозный компонент. Данный фрагмент заканчивается диалогом двух священников о правде и примирении (Wahrheit und Versöhnung). Этот диалог очень символичен: Вайцзеккер старается показать, что объединение Германии – акт исторической справедливости, но впереди еще долгий путь к внутреннему примирению немцев (друг с другом, с прошлым, с самими собой).

Способы аргументации. В исследуемых текстах Р. фон Вайцзеккера можно выявить следующие способы аргументации:

1. Апелляция к общечеловеческим ценностям и интересам.
2. Привлечение в качестве референтов Бога и христианских ценностей.
3. Противопоставление естественного и искусственного.
4. Апелляция к воле и силе народа.
5. Апелляция к «естественному ходу вещей», к законам истории.

Теперь обратимся к **мемуарам Ханса Модрова** [21].

Лексика. В тексте мемуаров Модрова выделяются 34 релевантные лексемы: «согласие» (Einvernehmen), «основательный» (gründlich), «последовательный» (konsequent), «деидеологизация» (Entideologisierung), «раздел» (Spaltung), «противоестественный» (widernatürlich), «объединение» (Vereinigung), «немыслимый» (undenkbar), «неизбежный» (unausweichlich), «национальный вопрос» (nationale Frage), «разрешать» (lösen), «лицемерие» (Heuchelei), «двуличность» (Doppelzüngigkeit), «ответственность» (Verantwortung), «трусливый» (feig), «ребенок» (Kind), «отцовство» (Vaterschaft), «согласиться» (beipflichten), «ошибка» (Irrtum), «смертельный удар» (Todesstoß), «слабость» (Schwäche), «сосуществование» (Koexistenz), «промах» (Fehlschlag), «нерешительность» (Unschlüssigkeit), «ориентироваться» (sich orientieren), «большинство» (Mehrheit), «смертельно больной» (todkrank), «отечество» (Vaterland), «ускорять» (beschleunigen), «цветистый» (blumig), «сознание» (Bewusstsein), «упорство» (Ausdauer), «настойчивость» (Beharrlichkeit), «надежность» (Verlässlichkeit).

Метафоры и способы аргументации. Перед тем как приступить к изложению своего взгляда на германскую политику СССР периода перестройки, Модров делает

краткий экскурс в историю. Из этого экскурса очевидно, что автор мемуаров настроен по отношению к нашей стране исключительно положительно – во многом это результат воспитания в ГДР, где немцев приучали любить и уважать своего «старшего брата». Однако при описании отношений Германии и России/СССР до 1941 г. обращают на себя внимание два момента.

Во-первых, Модров постоянно говорит об «отношениях Москвы и Берлина». Как известно, после разделения Германии и Берлина, восточная часть города, ставшая столицей ГДР, продолжала именоваться просто «Берлин», а западная часть всегда называлась именно «Западный Берлин». Следовательно, упоминание об отношениях Москвы и Берлина до 1941 г. могло вызывать у читателей ассоциацию с отношениями СССР именно с ГДР после 1945 г., то есть Модров вольно или невольно представляет ГДР в качестве главной преемницы единой Германии.

Второй момент заключается в том, что автор никак не осуждает сотрудничество И. Сталина и А. Гитлера. Он вообще не упоминает пакт Молотова – Риббентропа и говорит лишь об «интенсивной торговле до первой половины 1941 г. включительно» [22].

Когда Модров переходит к послевоенной истории, само собой разумеется, что он симпатизирует СССР и отрицательно отзывается о Западе: «ГДР была интегрирована в восточный военный блок лишь в ответ на вовлечение ФРГ в сферу НАТО» [23]. По мнению автора мемуаров, раздел Германии являлся противоестественным и был вызван агрессивными планами западных союзников, а также недальновидностью тогдашнего канцлера ФРГ К. Аденауэра, который не желал создания единой нейтральной Германии. Тем не менее, поскольку раздел все же случился, Модров полагает, что ГДР как государство достигла очень многого – при помощи своего старшего брата СССР.

Далее автор подходит к изложению событий периода перестройки в СССР. На его взгляд, перестройка имела три роковых недостатка, которые обрекли ее на гибель:

- 1) она была слабо подготовлена теоретически – советское руководство плохо себе представляло цели собственных реформ;
- 2) следовательно, перестройка не имела и не могла иметь поддержку у народа, поскольку народ тем более не понимал ее целей;
- 3) при этом советское руководство и лично М. С. Горбачев были излишне самоуверенны и идеалистичны.

Следуя историографической традиции, Модров сравнивает перестройку в СССР с «пражской весной» 1968 г. и приходит к выводу, что «пражская весна» обладала как раз теми достоинствами, которых не хватало перестройке: она развивалась снизу, из массовых слоев партии, и имела солидный теоретический фундамент. По поводу отсутствия у перестройки народной поддержки автор мемуаров замечает: «Человек может многое, когда у него есть личная выгода. Одной демократией сыт не будешь. Постоянная недооценка собственности и ее влияния на сознание людей стала роковым недостатком перестройки» [24]. Он выступает сторонником частной собственности – это типично западный стереотип, и его присутствие в сознании Модрова говорит о том, что коммунистическая пропаганда за 40 лет не смогла вытравить традиционное германское мировоззрение. Однако обвинять перестройку в пренебрежении частной собственностью неправомерно, поскольку до перестройки в СССР ее не было вообще.

В своей трактовке гласности Модров более справедлив и обнаруживает лучшее понимание механизмов функционирования общественного мнения, чем советское руководство. Он полагает: «После того, как в течение 70 лет людям сверху указывали, что хорошо и что плохо, было крайне наивно думать, что в условиях свободы информации они сразу научатся ее фильтровать». Модров указывает, что после введения гласности умами людей быстро завладели противники Горбачева разной политической окраски и обрушили на него критику справа и слева. В результате «Горбачева настигла лавина, которую он сам запустил» [25].

Новое мышление во внешней политике оценивается Модровым в целом положительно: «Оно было нацелено на ослабление военного бремени и устранение дисбаланса в экономике. Однако Москве не удалось обеспечить внутривнутриполитическую и экономическую стабильность, необходимую для такой независимости (*souverän*) внешнеполитической линии» [26].

Важным фактором взлета и падения перестройки автор считает личность главы государства Горбачева, о котором отзывается достаточно беспристрастно, отмечая и положительные, и отрицательные его стороны: «В начале своей деятельности на посту Генерального Секретаря Горбачев показал хорошее политическое чутье (*Gespür*). И у него было мужество (*Mut*) начать реформы. Его инициатива по атомному разоружению изменила мир... Он оправданно пользуется уважением во всем мире... Однако его природная умеренность (*Bescheidenheit*) сменилась тщеславием (*Eitelkeit*), его самомнение (*Selbstbewusstsein*) взлетело до немислимых высот. В то время как другие главы государств готовятся к переговорам очень тщательно при участии целой команды помощников, Горбачев часто пренебрегал вообще какой-либо подготовкой, считая, что он в одиночку за счет своего обаяния и интуиции способен решить любой вопрос» [27].

Возможно, сильно критиковать Горбачева Модрову мешает с молодых лет привитое уважение к главам КПСС, ведь в отношении окружения Горбачева он уже не пытается быть объективным и находить их положительные черты [28]. В целом Модров называет перестройку «реформами без программы и без цели». Самой главной ее ошибкой считает германскую политику, что объяснимо: на первое место он ставит то, что затрагивало его интересы.

Модров уверен, что ГДР была полноценным самостоятельным достаточно успешным государством и просто так прекращать его существование было нельзя. По его мнению, Горбачев с самого начала имел «деидеологизированный взгляд на германский вопрос и считал раздел Германии противоестественным» [29]. Здесь ярко проявляется коммунистическое воспитание автора: в тексте мемуаров слово «деидеологизация» и его производные многократно употребляются в негативном ключе. С точки зрения Модрова, идеология есть естественный и важнейший компонент жизни общества. Если раздел Германии основан на идеологии, значит это – «правильный раздел». Западным людям идеология представляется, наоборот, искусственным субъективным фактором. Само слово «идеология» имеет в общественном сознании негативную окраску и ассоциируется с тоталитаризмом.

Германская политика советского руководства 1985–1991 гг. кажется Модрову крайне непоследовательной и иногда малодушной: «С начала 1989 г. германская политика СССР определенно приобрела черты лицемерия (*Heuchelei*) и двуличия (*Doppelzüngigkeit*)» [30].

Несколько раз в тексте встречается следующая мысль: «ГДР была в известной мере ребенком Советского Союза, а свои отцовские обязанности (Vaterschaft) нужно исполнять» [31]. Многократное повторение этого положения заставляет подумать, что автор сознательно вводит в свое повествование один из глубинных архетипов человеческого сознания – дихотомию «родитель – ребенок», «отец – сын». Эмоциональное содержание этого архетипа очень сильно и предполагает большое число взаимных обязательств. В данном случае вина за их неисполнение падает на «отца» (СССР), тем более что «ребенок» (ГДР) был еще маленький и слабый, а «отец» безжалостно бросил его на погибель. Эмоциональный накал усиливается аллюзией: Модров уподобляет СССР и ГДР персонажам известного стихотворения И. Гете «Лесной царь»: «2 октября 1990 г. рыцарь домчался до своего двора, но ребенок в его руках был уже мертв» [32]. Данная аллюзия вызывает сомнения, поскольку никто и не пытался сохранить ГДР до 2 октября 1990 г. Тем не менее привлечение одного из красивейших стихотворений Гете – сильный литературный ход Модрова.

В сюжет об отцовстве органично вписана тема ответственности: «В СССР никто больше не хотел принимать на себя ответственность за судьбу ГДР». Однако вина советского руководства не ограничивается бездействием – Модров рисует аллегорическую картину подлого убийства собственного ребенка: «Ребенок Советского Союза – ГДР – лежал смертельно больной в отделении интенсивной терапии, а Москва начала обрывать провода...» [33].

В заслугу Модрову можно поставить, однако, то, что он отвергает выпады самых горячих противников Горбачева, заявляющих, что тот «предал и продал» социалистический лагерь Западу. На взгляд автора мемуаров, «Горбачев перестал защищать интересы своих союзников так же, как потом перестал заботиться и о своем народе... Конец СССР был логичным завершением перестройки» [34]. Данная фраза проливает свет на то, на какую аудиторию рассчитаны воспоминания Модрова: видя популярность КПРФ в России, он надеется в нашей стране создать желаемый дискурс. Он представляет народы СССР и ГДР в равной степени жертвами непродуманной и безответственной перестройки.

Итак, историко-лингвистический анализ дискурса мемуаров Р. фон Вайцзеккера и Х. Модрова позволяет выявить особенности взглядов на объединение Германии и советско-западногерманские отношения, которых придерживались политики ФРГ и ГДР. Сравнение текстов мемуаров служит основанием для следующих выводов:

1. Вайцзеккер и Модров мыслят в рамках разных дискурсов.
2. Оба политика стремятся выстраивать свою аргументацию на основе моральных (общечеловеческих) ценностей.
3. Дискурс Вайцзеккера, а также историческая реальность делают его аргументативную базу шире и прочнее: он ссылается на волю народа, естественный ход вещей, Бога и общее благо, в то время как Модров по большому счету может опереться только на обязательства СССР перед ФРГ. Видно, что Модров хотел бы сослаться также на волю и интересы народа, поскольку часто упоминает народ ГДР, но при этом он не может закрыть глаза на тот факт, что жители ГДР сами требовали объединения.
4. Дискурс Модрова представляет собой своеобразную смесь компонентов традиционного германского (западного) мировоззрения и советской идеологии.
5. Оба политика активно используют эмоционально окрашенные лексемы для подкрепления своих доводов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Андреев Е. В. Германия. Осенняя сказка, или Еще раз об объединении ФРГ и ГДР. М., 2007; Ахтамзян А. А. Объединение Германии или аншлюс ГДР к ФРГ: в 2 кн. М., 1994; Павлов Н. В. История современной Германии 1945–2005: курс лекций. М., 2006.
2. Дискурс // Всемирная энциклопедия: философия / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицаков. М., 2001. С. 316–319.
3. Александров В. В., Есин Е. Н. Объединение Германии и провал германской политики советского руководства. М., 1995; Воробьева Л. М. Объединение Германии: ретроспективный взгляд на актуальную проблему. М., 1998; Павлов Н. В. Указ. соч.
4. Голиков А. Г., Круглова Т. А. Источниковедение отечественной истории: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М., 2007. С. 369–370.
5. Busse D. Historische Diskurssemantik. Ein linguistischer Beitrag zur Analyse gesellschaftlichen Wissens // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. – 2000. – № 86. – S. 39–53.
6. Böke K. Überlegungen zu einer Metaphernanalyse im Dienste einer, parzellierten‘ Sprachgeschichtsschreibung // Öffentlicher Sprachgebrauch. Praktische, theoretische und historische Perspektiven. Georg Stötzel zum 60. Geburtstag gewidmet. Hrsg. von K. Böke, M. Jung, M. Wengeler. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996. S. 431–452.
7. Weizsäcker R. von. Vier Zeiten: Erinnerungen. Berlin, 1997; Idem. Drei Mal Stunde Null? 1949–1969–1989. Berlin, 2001.
8. Weizsäcker R. von. Drei Mal Stunde Null? S. 88–89.
9. Fitzgerald F. Way Out There in the Blue: Reagan, Star Wars and the End of the Cold War. N. Y., 2000. S. 34–56.
10. Mackiewicz M. Die Frage nach der Wahrheit. Zu ethisch-philosophischen Grundpositionen Richard von Weizsäckers // Lingua ac communitas. – W-wa – Poznan, 2002. – № 12. – S. 13–26; Weizsäcker R. von. Vier Zeiten. S. 339, 340.
11. Kiessler R., Elbe F. Ein runder Tisch mit scharfen Ecken. Der diplomatische Weg zur deutschen Einheit. Baden-Baden, 1993. S. 92.
12. Weizsäcker R. von. Drei Mal Stunde Null? S. 108.
13. Weizsäcker R. von. Vier Zeiten. S. 346.
14. Weizsäcker R. von. Drei Mal Stunde Null? S. 90, 93, 95.
15. See K. von. Germanische Heldensage. Stoffe. Probleme. Methoden. Fr./M., 1971. S. 50–58.
16. Weizsäcker R. von. Drei Mal Stunde Null? S. 92.
17. Weizsäcker R. von. Vier Zeiten. S. 370.
18. Weizsäcker R. von. Drei Mal Stunde Null? S. 89, 98.
19. Ibid. S. 92.
20. Weizsäcker R. von. Vier Zeiten. S. 366.
21. Modrow H. Perestroika. Wie ich sie sehe. Persönliche Erinnerungen und Analysen eines Jahrzehnts, das die Welt veränderte. Berlin, 1998.
22. Ibid. S. 94.
23. Ibid. S. 94.
24. Ibid. S. 184.
25. Ibid. S. 184.
26. Ibid. S. 184.
27. Ibid. S. 189–190.
28. Ibid. S. 186.
29. Ibid. S. 95.
30. Ibid. S. 98.
31. Ibid. S. 99, 100, 111, 118.
32. Ibid. S. 118.
33. Ibid. S. 111.
34. Ibid. S. 121.